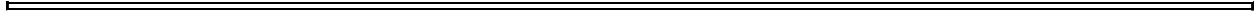


- [Проф. прот. Владислав Цъпин ](#)



**Проф. прот. Владислав Цыпин **

Русская Православная Церковь и государство в 1917–1990 годах: правовой аспект

Доклад на конференции «Государство, Церковь, общество: исторический опыт и современные проблемы»

События 1917 года внесли радикальные перемены в церковно-государственные отношения. Русская Православная Церковь на Поместном Соборе 1917–18 гг. выразила свой взгляд на правомерные отношения Церкви и государства в соборном «Определении о правовом положении Православной Российской Церкви», принятом 2 декабря 1917 года. Своеобразие этого документа заключается в том, что, с одной стороны, он не воспроизводит схему церковно-государственных отношений, существовавшую в Российской Империи, а с другой, – он вполне игнорирует и складывавшуюся на исходе 1917 года реальную политическую и законодательную ситуацию.

Уже Временное Правительство рядом актов: ликвидацией церковно-приходских школ, провозглашением Закона Божия факультативным предметом – сделало решительный шаг в сторону неконфессионального государства. Воинствующая атеистическая программа большевиков, захвативших власть в октябре 1917 года, была хорошо известна и раньше, а теперь начала проводиться в жизнь. Поместный Собор, таким образом, решал вопрос об отношениях между Церковью и государством, отвлекаясь от сложившейся ситуации, решал его принципиально, иными словами, предлагал идеальную по своим представлениям норму таких взаимоотношений.

В «Декларации», которая предваряла «Определение», требование о полном отделении Церкви от государства сравнивается с пожеланием, «чтобы солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь, по внутреннему закону своего бытия, – говорится далее в тексте «Декларации», – не может отказаться от признания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами».

Основные положения «Определения», принятого Собором, гласили:

1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней духовной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления [...]

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковною властью [...]

7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными [...]

9. Православный календарь признается государственным календарем.

10. Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями [...]

12. Добровольный выход из Православия допускается не ранее достижения возраста, установленного для вступления в брак. Прежде этого возраста дети могут оставить Православие только по желанию родителей, и притом лишь в случае оставления Православия самими родителями; от детей, достигших 9-летнего возраста, требуется их согласие [...]

14. Церковное венчание по православному чину признается законною формой заключения брака [...]

18. Учреждаемые Православною Церковью низшие, средние и высшие школы как специально-богословские, так и общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании.

19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви; преподавание Закона Божия для православных учащихся обязательно как в низших, так и в высших учебных заведениях, содержание законоучительских должностей в государственных школах принимается за счет казны.

20. Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви,

состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство...»

Установившаяся тогда в России государственная власть в своей правовой политике нисколько не соотносилась с этим соборным Определением. Более того, после Октябрьского переворота над легальным существованием Православной Церкви в России нависла прямая угроза. Большевицкая программа в области церковно-государственных взаимоотношений в юридическом плане в основных чертах была реализована уже в январе 1918 года. 20 января был опубликован составленный самим председателем Совнаркома «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Этот декрет не только обозначал формальный, юридический разрыв многовекового союза между Церковью и государством, разрыв, предрешенный уже Февральской революцией; он легализовал гонения на Церковь.

Православная Церковь была отделена от государства, но при этом не получила прав частного религиозного общества. Принципиальное отличие советского законодательства «о культах» от правового режима отделения Церкви в таких государствах, как США или Франция, заключалось в последних параграфах «Декрета», положения которых неизменно воспроизводились в более поздних актах: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущества существующих в России церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием». Храмы, святые иконы, священные сосуды отнимались у Церкви. Церковь лишалась всякой собственности.

Правда, по декрету, Церковь могла продолжать пользоваться и храмами, и богослужебной утварью, но лишь «по особым постановлениям местной или центральной государственной власти». Декрет запрещал религиозное воспитание и образование детей в общеобразовательной школе. Этот декрет явился юридической подготовкой к изъятию церковных ценностей, к закрытию монастырей и духовных школ, к противоправным судам и расправам над священнослужителями и благочестивыми мирянами.

Русская Православная Церковь на Соборе 1917–18 гг. не признала законности «Декрета», как не признавала она до заявлений Патриарха 1923 года законности советской власти вообще.

В Конституцию РСФСР 1918 и последующие советские конституции неизменно входили фундаментальные положения декрета 1918 года, устанавливавшие драконовский режим для Православной Церкви и иных

религиозных общин в России и Советском Союзе. Впрочем, в одном отношении Конституция 1918 года отличалась в лучшую сторону от позднейших советских конституций – в 1918 году большевики ещё не запрещали «религиозную пропаганду».

8 апреля 1929 г. президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», по которому религиозным общинам дозволялось лишь «отправление культов» в стенах «молитвенных домов», просветительская и благотворительная деятельность категорически воспрещалась. Духовенство устранилось от участия в хозяйственных и финансовых делах так называемых «двадцаток». Частное обучение религии, дозволенное декретом 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», теперь могло существовать лишь как право родителей обучать религии своих детей.

XIV Всероссийский Съезд Советов изменил 4 статью Конституции, в новой редакции говорилось о «свободе религиозного исповедания и антирелигиозной пропаганды». Для борьбы с религиозными предрассудками в стране вводилась 5-дневная рабочая неделя со скользящим выходным днем.

5 декабря 1936 г. на Восьмом Чрезвычайном Всесоюзном съезде Советов было объявлено о принятии новой Конституции СССР. В отличие от прежних, в ней впервые провозглашалось равноправие всех граждан, в том числе и «служителей культа». В статье 124 новой Конституции записано, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви». Но эта Конституция уже не допускала свободу религиозной пропаганды, а только свободу «отправления религиозных культов». Конституция провозглашала: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Неравноправие верующих и неверующих в этой статье демонстрируется вполне откровенно, хотя в ином месте Конституция провозглашала равноправие всех граждан, независимо от их отношения к религии. 1937г. развеял надежды на перемены, которые возникли тогда в связи с изданием новой Конституции. Этот год стал торжеством революционного террора, залившего страну кровью. Жертвами репрессий стали миллионы людей разных мировоззрений и принадлежавшие ко всем слоям общества. Особенно тяжело пострадало в конце 30-х годов православное духовенство. Почти весь епископат был перебит. Священнослужители, оставшиеся в живых, в значительном большинстве оказались в лагерях и тюрьмах.

Частичная нормализация церковно-государственных отношений в 1943 году почти не отразилась в законодательных актах, которым в ту пору важного значения не придавали. Церковь получила относительно сносные условия для своего существования чрез административные распоряжения властей. В 1945 г. Совнарком СССР принял секретное постановление, которым предоставил исполнительным органам религиозных организаций «права ограниченного юридического лица». Они касались «приобретения транспортных средств, аренды, строительства и покупки в собственность строений для своих нужд, производства церковной утвари, предметов религиозного культа и продажи их обществам верующих». Зловещее постановление 1929 года в послевоенные годы практически игнорировалось, хотя не было отменено.

О нем вспомнили в разгар хрущевских гонений на Церковь. На политическом уровне решение о возобновлении гонений принято было в 1958 году. 4 октября 1958 г. ЦК КПСС вынес секретное постановление под длинным названием «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды"», которое обязывало партийные, комсомольские и общественные организации развернуть пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Государственным учреждениям предписывалось осуществить мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин. И первым актом правительства в наступлении на Церковь было издание двух постановлений Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года «О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей». В первом поручалось Советам министров союзных республик, Совету по делам Русской Православной Церкви и Совету по делам религиозных культов в шестимесячный срок изучить вопрос о сокращении количества монастырей и скитов и внести в Совет министров СССР предложения по этому вопросу, предписывалось также сократить размеры земельных угодий, находившихся в пользовании монастырей. Постановлением о налогах Церкви запрещалось продавать свечи по ценам более высоким, чем они приобретались в свечных мастерских. Это было серьезным ударом по доходам и бюджету церковных приходов, потому что теперь приобретение свечей в мастерских стало убыточным для храмов, и оно, естественно, сократилось, что в свою очередь привело к закрытию свечных мастерских. Из-за снизившихся доходов храмов распускались и платные церковные хоры. Вследствие драконовских постановлений Совмина

финансовое положение некоторых епархий пришло в крайне расстроенное состояние.

31 марта 1961 года в Совет по делам Русской Православной Церкви были приглашены Святейший Патриарх и находящиеся в Москве постоянные члены Синода. Председатель Совета предложил архипастырям провести коренную реформу приходского управления: «Надо пересмотреть отдельные пункты “Положения об управлении Русской Православной Церковью”, чтобы во главе общины был исполнительный орган, а не настоятель церкви». Юридическим аргументом, который использовал представитель государственной власти, было требование привести «Положение об управлении Русской Православной Церковью» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 1929 г. «О религиозных объединениях», по которому священнослужители как лица, лишённые избирательного права, устранялись от участия в хозяйственных делах религиозных общин, хотя это постановление находилось в грубом противоречии с Конституцией СССР 1936 г., предоставившей всем гражданам одинаковые права.

18 июля 1961 г., в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в Троице-Сергиевой лавре состоялся Архиерейский Собор, который вынужден был внести радикальные изменения в 4-ю часть «Положения об управлении Русской Православной Церковью», продиктованные Советом и негативно сказавшиеся на приходской жизни.

После отставки Хрущева прямые гонения на Церковь остановились, но её правовой статус оставался прежним. Закрыт был путь и к пересмотру решений Архиерейского Собора 1961 года. В 70-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без потрясений, подобных тем, какие выпали на долю Церкви десятилетие назад, в годы хрущевских гонений. Государственная политика по отношению к Церкви оставалась в основных своих чертах неизменной, какой она сложилась после отставки Хрущева: жесткий, тотальный контроль за всеми проявлениями церковной жизни, противодействие попыткам расширить сферу дозволенного для Церкви, но без массовых репрессий против духовенства или верующих мирян, без массового закрытия церквей и без шумных пропагандистских атеистических кампаний.

В 1975 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом внес изменения в сохранявшее силу постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях». Эти изменения главным образом коснулись имущественных прав Церкви. Указом отменялась формулировка «Постановления» 1929 г.: «Религиозные объединения и группы верующих

не пользуются правом юридического лица». В то же время в нем не декларировалось и усвоение религиозным объединениям такого права. Вместо этого в указе говорилось о «приобретении церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке».

В то же время дополнения, внесенные указом, еще более сужали круг дозволенной законом церковной деятельности: «Религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования только на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержанием исполнительных органов. Религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, а также в квартирах и домах верующих допускается с особого каждый раз разрешения исполнительного комитета районного, городского, Совета депутатов трудящихся».

Ничего нового в советское законодательство, касающееся статуса религиозных общин, не вносила и принятая в 1977 г. очередная Конституция СССР, 52 статья которой гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа от Церкви».

Неравноправие граждан СССР в зависимости от их отношения к религии очевидным образом вытекало из этой статьи Конституции, несмотря на декларируемый в иных местах этого документа принцип равенства всех граждан СССР независимо от национальности, расы, пола, отношения к религии. Граждане с атеистическими убеждениями, согласно Конституции, могли свободно пропагандировать их, а верующим предоставлялось лишь право «отправлять религиозные культы». Столь откровенное неравноправие граждан разных категорий сообщало Советскому Союзу черты сословного государства.

Значительные перемены в правовом статусе Русской Православной Церкви и других религиозных объединений произошли на исходе существования Советского Союза. 1 октября 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», утвердивший за отдельными приходами, церковными учреждениями, в том числе и Патриархией, права юридического лица. У Церкви появилось право иметь в собственности недвижимость, защищать свои интересы в судебном

порядке, религиозные организации могли теперь участвовать в общественной жизни и пользоваться средствами массовой информации.

Исключительно важное положение нового закона содержалось в статье 6, которая, хотя и подтверждала принцип отделения школы от Церкви, тем не менее открывала юридическую возможность для религиозного обучения детей. «Религиозные организации, имеющие зарегистрированные в установленном порядке уставы (положения), вправе в соответствии со своими установлениями создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы, а также проводить обучение в иных формах, используя для этого принадлежащие или предоставляемые им в пользование помещения ». Закон запрещал командованию воинских частей препятствовать участию военнослужащих в богослужениях в свободное время; он позволял совершение «религиозных обрядов» в больницах, госпиталях, домах для престарелых, в тюрьмах и лагерях, причем администрации этих учреждений предписывалось оказывать содействие в приглашении священнослужителей.

Новый закон сохранял прежний Совет, но менял его функции, лишал его властных полномочий по отношению к религиозным организациям: «Государственный орган СССР по делам религий является информационным, консультативным и экспертным центром». Новый закон был более благоприятным для Церкви, чем действовавшее до тех пор постановление ВЦИК 1929 г., но действовал он недолго – всего 15 месяцев – ровно столько, сколько оставалось существовать СССР.

Спустя месяц после издания союзного закона был принят российский закон «О свободе вероисповеданий». Он не предусматривал уже правительственного учреждения, подобного Совету по делам религий; вместо него в Верховном Совете была образована Комиссия по свободе совести и вероисповеданиям.

Положение об отделении школы от Церкви формулировалось в российском законе в более деликатной форме: «Государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии». При этом, однако, преподавание вероучения на факультативной основе допускалось в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях. Преподавание же «религиозно-познавательных, религиоведческих и религиозно-философских дисциплин» могло входить в учебную программу государственных учебных заведений.